

ЧЕЛОВЕК В ТЕ ГОДЫ БОЕВЫЕ ИЗ РОССИИ

1.

Он помнит, отчетливо помнит все, хоть минуло почти полвека. И там помнят и не забывают его. Вот адрес к семидесятилетию: «...Уже больше сорока лет прошло с тех пор, как Вы, в 1917 году, будучи русским военнопленным в Венгрии, установили связь...»

Да, он тогда быстро нашел путь к венгерским интернационалистам. Это были первые коммунисты. Они вернулись из России. Он работал с ними в подполье, и они выбрали его, когда им потребовалась помощь из России...

Вид у них тогда был внушительный, даже шикарный по тем временам. Австро-венгерский покор пальто, котелки и башмаки на толстой кожаной подошве. В руках — солидные размеры чемоданы. Они оставляли впечатление людей денежных, и не случайно к ним так долго присматривалась человек в тулузе с ямщиком кнутом. Несколько раз проходил мимо, шмыгая носом и поправляя шапку.

Бокзал на станции Барановичи был разбит, и народ устраивался, как мог, с завистью поглядывая на барак, занятый немцами. Дальше, на восток, поезда не шли. А им как раз нужно было на восток, в Россию, за рубеж, установленный тут к концу 1918 года.

— Далеко, паны? — подошел мужик в тулузе с ямщиком кнутом. — Несколько раз проходил мимо, шмыгая носом и поправляя шапку.

— Да приходи! На Погорельцы! — ответил тот, что курил черную маленькую трубку.

— Смеешься, пан, — удивился.

2.

Конечно, они тогда рисковали. Но шли на риск смело — они не сомневались, что мировая революция будет вот-вот, и готовы были, не задумываясь, отдать за нее жизнь.

У него и сейчас крепкие и ясные глаза, несмотря на преклонный возраст. Мы сидим у него дома, на московской улице Столбов, что неподалеку от улицы Кирова. Он перебирает письма.

Письма возвращают прошлому.

Ямщик Монсей, все время по-нужавший свою Коханочку, ехали больше без дорог — очень удивился бы, узнай он, что его седовласый разговор на языке, который мало кто знал в этих местах — на мадьярском.

— Теперь, Лайош, я думаю, нам удастся. Немцы членодавы укладывают — дома у них тоже революция. А сегодня еще и канун рождества.

— Конечно, нынче они шансуют, может, проглядят. Так и в Столбцы проскочим...

— В Столбцы! — услышал знакомое название Монсей. — Шутите, пан. Там же большевики! Там...

Разговор прервал нестройный перебор губных гармошек, пьяное пение.

Матка боска, прусаки! — в ужасе залепетал ямщик, пытаясь свернуть с дороги. Но было уже поздно. К саням кинулось три серые фигуры.

— Халь! Вохин фарен? — хрюкнул хриплый окрик.

Ямщик в ужасе обернулся и увидел, что его пассажиры, навсегда когда успевшие крепко

3.

...Двое осторожношли по льду через заснеженный Неман. Но ги в башмаках давно окоченели, в лицо хлестала поземка.

— Стой! Кто идет! — услышали они долгожданый окрик красного секрета.

В штабе заслонной части один из задержанных снял намокшее от снега пальто, надел, вспорол на плече подкладку пиджака, извлек оттуда и протянул командиру лоскут шелка.

«Товарищу Урасову», — командир пристально поглядел в глаза незнакомца и продолжал читать: — Владимиру, курьеру Венгерской компартии, следующему в Москву, к Ленину, прошу оказать содействие. Бела Кун...

Утром пришла железнодорожная летучка. Урасова и Лайоша Немети красноармейцы проводили, как дорогих друзей, посадили в теплушку, на дорогу, до самой Москвы, дали хлеб и печенью картошки.

Сына первомосковского сапожника Владимира Урасова на судоремонтном заводе братец Каменских рабочие знали как верного товарища, а осведомители охраны доносили о молодом слесаре Урасове, как об «опасном элементе».

Первый раз Владимир арестовали, когда он во время представления в городском театре разбрал по залу революционные прокламации. Второй раз его выселили и арестовали уже как вооруженного дружинника.

В якутской ссылке он прошел через школу революционера: в учителях его оказался такой зараженный береск за рабочее дело, как Емельян Ярославский.

Мировой войну встретил Владимир солдатом. Его сдали в царскую армию сразу же после отбытия ссылки. Он был тогда уже опытным революционером — в партии большевиков вступил еще в девятнадцать лет. Война. Окончания жизни. Только неумно воевали царские генералы. Скоро оказался Урасов вместе со своей частью в плену. Попал в лагерь под Буда-

ЧАРВАК В МИНИАТЮРЕ

В гидравлической лаборатории Среднеазиатского отделения Всесоюзного ордена Ленина проектно-изыскательского института «Гидропроект» имени С. Я. Жука построено на генеральной модели Чарвакского гидроузла. Во внутреннем металлическом ящичке — напорная грань плотины, полуколоцко шахтного катастрофического водосброса. К руслу Чирчика, выполненному из тщательно отсортированного песка, спускается напорный сбросной тракт из органического стекла — чтобы все процессы протекания воды были доступны наблюдению. Размеры рельефа и сооружений уменьшены против натур в 40 раз. Но все, что экспериментаторы Виктория Вильельмовна Артук и Антонина Петровна Теллова видят и отметят как важное на модели, будет верно и для натур, для огромного, поднимущегося в Чирчикском каньоне, гидроузла.

Ямской человек, махнув словами рукой, ушел. Потом вернулся. Начал клясться, что в Барановичах у него самые легкие санки, — по пуху пройдут и сле-да не оставят, что у его Коханочки самая легкая инюхда, что из ямщиков один он, Монсей, все дороги и троны тут знает и что меньше как за четыре сотни ехать «не можно»...

Сошлись на трехах. Николаевский вспомнил мужик. — Погорельцы! Там ведь фронт! Это у самых окопов большевиков... Нет, паны...

— Как знаешь. Найдем, кто не пропустил...

— Пеглю с вами зробишь, — ворчал ямщик. — Кабы заплатили полтыны, да еще николаевским...

— Подаляем бы.

— Поди-ка, милый, проспись, — равнодушно ответил человек с трапезой.

Вид у них тогда был внушительный, даже шикарный по тем временам. Австро-венгерский покор пальто, котелки и башмаки на толстой кожаной подошве. В руках — солидные размеры чемоданы. Они оставляли впечатление людей денегых, и не случайно к ним так долго присматривалась человек в тулузе с ямщиком кнутом. Несколько раз проходил мимо, шмыгая носом и поправляя шапку.

Бокзал на станции Барановичи был разбит, и народ устраивался, как мог, с завистью поглядывая на барак, занятый немцами. Дальше, на восток, поезда не шли. А им как раз нужно было на восток, в Россию, за рубеж, установленный тут к концу 1918 года.

— Далеко, паны? — подошел мужик в тулузе с ямщиком кнутом.

— Да приходи! На Погорельцы!

— Смеешься, пан, — удивился.

— Стой! Кто идет!

— Услышали они долгожданый окрик красного секрета.

В штабе заслонной части один из задержанных снял намокшее от снега пальто, надел, вспорол на плече подкладку пиджака, извлек оттуда и протянул командиру лоскут шелка.

«Товарищу Урасову», — командир пристально поглядел в глаза незнакомца и продолжал читать: — Владимиру, курьеру Венгерской компартии, следующему в Москву, к Ленину, прошу оказать содействие. Бела Кун...

Утром пришла железнодорожная летучка. Урасова и Лайоша Немети красноармейцы проводили, как дорогих друзей, посадили в теплушку, на дорогу, до самой Москвы, дали хлеб и печенью картошки.

Сына первомосковского сапожника Владимира Урасова на судоремонтном заводе братец Каменских рабочие знали как верного товарища, а осведомители охраны доносили о молодом слесаре Урасове, как об «опасном элементе».

Первый раз Владимир арестовали, когда он во время представления в городском театре разбрал по залу революционные прокламации. Второй раз его выселили и арестовали уже как вооруженного дружинника.

В якутской ссылке он прошел через школу революционера: в учителях его оказался такой зараженный береск за рабочее дело, как Емельян Ярославский.

Мировой войну встретил Владимир солдатом. Его сдали в царскую армию сразу же после отбытия ссылки. Он был тогда уже опытным революционером — в партии большевиков вступил еще в девятнадцать лет. Война. Окончания жизни. Только неумно воевали царские генералы. Скоро оказался Урасов вместе со своей частью в плену. Попал в лагерь под Буда-

3.

...Двое осторожношли по льду через заснеженный Неман. Но ги в башмаках давно окоченели, в лицо хлестала поземка.

— Стой! Кто идет! — услышали они долгожданый окрик красного секрета.

В штабе заслонной части один из задержанных снял намокшее от снега пальто, надел, вспорол на плече подкладку пиджака, извлек оттуда и протянул командиру лоскут шелка.

«Товарищу Урасову», — командир пристально поглядел в глаза незнакомца и продолжал читать: — Владимиру, курьеру Венгерской компартии, следующему в Москву, к Ленину, прошу оказать содействие. Бела Кун...

Утром пришла железнодорожная летучка. Урасова и Лайоша Немети красноармейцы проводили, как дорогих друзей, посадили в теплушку, на дорогу, до самой Москвы, дали хлеб и печенью картошки.

Сына первомосковского сапожника Владимира Урасова на судоремонтном заводе братец Каменских рабочие знали как верного товарища, а осведомители охраны доносили о молодом слесаре Урасове, как об «опасном элементе».

Первый раз Владимир арестовали, когда он во время представления в городском театре разбрал по залу революционные прокламации. Второй раз его выселили и арестовали уже как вооруженного дружинника.

В якутской ссылке он прошел через школу революционера: в учителях его оказался такой зараженный береск за рабочее дело, как Емельян Ярославский.

Мировой войну встретил Владимир солдатом. Его сдали в царскую армию сразу же после отбытия ссылки. Он был тогда уже опытным революционером — в партии большевиков вступил еще в девятнадцать лет. Война. Окончания жизни. Только неумно воевали царские генералы. Скоро оказался Урасов вместе со своей частью в плену. Попал в лагерь под Буда-

3.

...Двое осторожношли по льду через заснеженный Неман. Но ги в башмаках давно окоченели, в лицо хлестала поземка.

— Стой! Кто идет! — услышали они долгожданый окрик красного секрета.

В штабе заслонной части один из задержанных снял намокшее от снега пальто, надел, вспорол на плече подкладку пиджака, извлек оттуда и протянул командиру лоскут шелка.

«Товарищу Урасову», — командир пристально поглядел в глаза незнакомца и продолжал читать: — Владимиру, курьеру Венгерской компартии, следующему в Москву, к Ленину, прошу оказать содействие. Бела Кун...

Утром пришла железнодорожная летучка. Урасова и Лайоша Немети красноармейцы проводили, как дорогих друзей, посадили в теплушку, на дорогу, до самой Москвы, дали хлеб и печенью картошки.

Сына первомосковского сапожника Владимира Урасова на судоремонтном заводе братец Каменских рабочие знали как верного товарища, а осведомители охраны доносили о молодом слесаре Урасове, как об «опасном элементе».

Первый раз Владимир арестовали, когда он во время представления в городском театре разбрал по залу революционные прокламации. Второй раз его выселили и арестовали уже как вооруженного дружинника.

В якутской ссылке он прошел через школу революционера: в учителях его оказался такой зараженный береск за рабочее дело, как Емельян Ярославский.

Мировой войну встретил Владимир солдатом. Его сдали в царскую армию сразу же после отбытия ссылки. Он был тогда уже опытным революционером — в партии большевиков вступил еще в девятнадцать лет. Война. Окончания жизни. Только неумно воевали царские генералы. Скоро оказался Урасов вместе со своей частью в плену. Попал в лагерь под Буда-

3.

...Двое осторожношли по льду через заснеженный Неман. Но ги в башмаках давно окоченели, в лицо хлестала поземка.

— Стой! Кто идет!

— Услышали они долгожданый окрик красного секрета.

В штабе заслонной части один из задержанных снял намокшее от снега пальто, надел, вспорол на плече подкладку пиджака, извлек оттуда и протянул командиру лоскут шелка.

«Товарищу Урасову», — командир пристально поглядел в глаза незнакомца и продолжал читать: — Владимиру, курьеру Венгерской компартии, следующему в Москву, к Ленину, прошу оказать содействие. Бела Кун...

Утром пришла железнодорожная летучка. Урасова и Лайоша Немети красноармейцы проводили, как дорогих друзей, посадили в теплушку, на дорогу, до самой Москвы, дали хлеб и печенью картошки.

Сына первомосковского сапожника Владимира Урасова на судоремонтном заводе братец Каменских рабочие знали как верного товарища, а осведомители охраны доносили о молодом слесаре Урасове, как об «опасном элементе».

Первый раз Владимир арестовали, когда он во время представления в городском театре разбрал по залу революционные прокламации. Второй раз его выселили и арестовали уже как вооруженного дружинника.

В якутской ссылке он прошел через школу революционера: в учителях его оказался такой зараженный береск за рабочее дело, как Емельян Ярославский.

Мировой войну встретил Владимир солдатом. Его сдали в царскую армию сразу же после отбытия ссылки. Он был тогда уже опытным революционером — в партии большевиков вступил еще в девятнадцать лет. Война. Окончания жизни. Только неумно воевали царские генералы. Скоро оказался Урасов вместе со своей частью в плену. Попал в лагерь под Буда-

3.